

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Крестьяне столичных губерний после освобождения

Б. Н. Миронов

Для цитирования: *Миронов Б. Н.* Крестьяне столичных губерний после освобождения // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1041–1062.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.401>

В статье исследуется положение крестьянства Санкт-Петербургской и Московской губерний в 1850–1890 гг. на фоне развития 50 губерний Европейской России в целом. Цель — проверить адекватность концепции аграрного кризиса пореформенной деревни, произошедшего в результате несправедливого, грабительского для земледельцев проведения крестьянской реформы 1860-х гг. Монопольная в советской историографии концепция (являющаяся в настоящее время дискуссионной) подвергается критике. В первой части статьи оценивается динамика уровня жизни крестьянства на основе традиционно используемых в историографии данных. Они подразделяются на две группы: 1) показатели производства и источники доходов крестьянства (земельный надел, урожайность, сбор зерновых и картофеля, численность скота, отходничество, промысловая деятельность, зарплата сельскохозяйственных рабочих, хлебные цены, аграрное перенаселение, избыток рабочей силы, гербовый сбор за сделки, грамотность сельского населения); 2) показатели, традиционно используемые при оценке степени достаточности крестьянских доходов для нормальной жизни (доходы и налоги, недоимка, потребление алкоголя, вклады в банки и демографические коэффициенты). Во второй части статьи положение крестьян оценивается на основе данных о росте 9 188 591 чел. новобранцев, принятых на службу в 1874–1911 гг. (и, соответственно,

---

Борис Николаевич Миронов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; b.mironov@spbu.ru

Boris N. Mironov — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; b.mironov@spbu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-00365 «Сравнительный анализ экономических и социальных последствий реформы 19 февраля 1861 года в столичных губерниях».

This research was supported by grant No 19-09-00365 from the Russian Foundation for Basic Research “Comparative analysis of the economic and social consequences of the February 19, 1861 reform in metropolitan provinces”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

рожденных в 1853–1890 гг.). Анализу ростовых сведений предшествует методологическое введение, в котором объясняются теоретические основы использования ростовых данных и методика обработки первичных сведений для получения адекватной картины. Особое внимание уделяется вопросам интерпретации результатов антропометрического анализа, которые вызывают трудности у классических историков. Анализ традиционных и антропометрических показателей, характеризующих положение крестьянства столичных губерний и 50 губерний Европейской России, приводит к выводу, что в 1861–1890 гг. положение столичных крестьян улучшалось, к тому же в большей степени, чем в Европейской России в целом. Совпадение результатов экономического и антропометрического анализа повышает достоверность вывода об улучшении положения российского крестьянства за первое 30-летие после крестьянской реформы.

Ключевые слова: отмена крепостного права, уровень жизни крестьянства, Санкт-Петербургская и Московская губернии, Европейская Россия, традиционные показатели благосостояния крестьян, историческая антропометрия, вторая половина XIX в.

The Peasants of the St. Petersburg and Moscow Provinces after Abolition of Serfdom

B. N. Mironov

For citation: Mironov B.N. The Peasants of the St. Petersburg and Moscow Provinces after Abolition of Serfdom. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 4, pp. 1041–1062. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.401> (In Russian)

The article examines the condition of the peasantry in the St. Petersburg and Moscow provinces in 1850–1890 against the background of the development of 50 provinces of European Russia as a whole. The aim is to test the adequacy of the concept of the agrarian crisis of the post-reform village, which occurred as a result of the unfair reform of the 1860s predatory towards peasantry. The article criticizes the dominant concept of the Soviet historiography, which is regarded as controversial in modern scholarship. The first part of the article assesses the dynamics of the standard of living of the peasantry based on the traditionally used data: firstly, on production factor and sources of income, and the degree of sufficiency of peasant incomes for normal life and, secondly, on anthropometric indicators. The analysis of anthropometric data is preceded by a methodological introduction, which explains the theoretical foundations of using the body length data and the technique and procedure of processing primary information to obtain an adequate picture. Special attention is paid to the interpretation of the results of anthropometric analysis, which poses a difficulty to classical historians. The analysis of traditional and anthropometric indicators characterizing the condition of the metropolitan peasantry of the capital and 50 provinces of European Russia leads to the conclusion: in 1861–1890, the standard of living of peasants in the capital provinces had improved, moreover, to a larger extent compared to European Russia as a whole. The agreement of the results of economic and anthropometric analysis enhances the reliability of the conclusion about the improvement of the welfare of the Russian peasantry during the first 30 years after the peasant reform.

Keywords: abolition of serfdom, the standard of living of the peasantry, St. Petersburg and Moscow provinces, European Russia, traditional indicators of the welfare of peasants, historical anthropometry, the second half of the 19th century.

В советской историографии монополюно доминировала точка зрения, согласно которой тяжелые условия освобождения крестьян привели к обнищанию крестьянства и в конечном итоге к революциям начала XX в. В постсоветской историографии проблема положения крестьянства ушла из числа актуальных, в учебной

литературе о ней говорят неопределенно или осторожно обходят. Характерный пример дает онлайн-энциклопедия «Всемирная история», цель которой ее создателями позиционируется следующим образом: «представить максимально точную и полную информацию о прошлом, основанную на результатах научных исследований российских и зарубежных ученых, по всем периодам всемирной и российской истории»¹. В статье «Аграрный кризис» читаем: «Реформа 1861 [года] дала толчок развитию крестьянского хозяйства, но поставила крестьянина в положение малоземелья, роста повинностей и растущей зависимости от аренды помещичьей земли, что сказалось отрицательно на устойчивости экономического положения. Кроме того, “несправедливый” раздел земель между помещиком и бывшими крепостными вызвал волну недовольства не только крестьянства, но и либерально настроенных кругов образованного общества. В результате в стране возобладали настроения необходимости “черного передела”, что не способствовало интенсификации с.-х. производства. Тяжелая экономическая ситуация в сельском хозяйстве была усугублена наложением крестьянского малоземелья на резкий прирост населения. Сохранение общинной организации консервировало неэффективные формы земледелия: трехполье, “выпаханность” почв и, как следствие, низкую урожайность. Общинная помощь способствовала дополнительному росту населения»². В этой характеристике пореформенного периода прямо не говорится об обнищании и голодании, но в советской историографии была очень распространена ссылка на ленинский тезис: «Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожая, которые возвращались все чаще и чаще»³.

Однако стали появляться исследования, где традиционная точка зрения начинает пересматриваться. Хорошим примером является коллективная монография самарских историков «История Самарского Поволжья». В книге, не закрывая глаза на трудности, с которыми сталкивались крестьяне, авторы дают взвешенно-позитивную оценку и крестьянской реформе, и развитию деревни в пореформенный период. «Самарское крестьянство вышло из великих потрясений аграрной реформы в массе своей хозяйственно дееспособным», — считает автор данного раздела П. И. Савельев. Важной причиной этого стала сравнительно небольшая отрезка земли у крестьян. Если не учитывать дарственные сделки, заключенные либо добровольно, либо по требованию самих крестьян, то в Самарской губернии она составила 13,1 %, а не 41,3 %, как считается, в Симбирской же губернии еще меньше — 11,4 %. Благодаря этому крестьянское землевладение в Самарской губернии в 1863–1882 гг. не сократилось, как принято считать, а хотя и немного, но увеличилось — на 0,2 десятины в среднем на ревизскую душу. Автор считает «справедливой высокую оценку деятельности Редакционных комиссий, не пошедших на поводу у губернских дворянских комитетов и отстоявших минимальный уровень отрезков»⁴.

¹ Энциклопедия находится на открытом в 2013 г. федеральном портале «История.РФ» (с 2014 г. портал передан Российскому военно-историческому обществу): URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/istoriia_rf (дата обращения: 02.07.2021).

² Белов А. В. Аграрный кризис в России в конце XIX в. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/aghrarnyi_krizis_v_rossii_v_kontsie_xix_v (дата обращения: 02.07.2021).

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 4. М., 1958. С. 431.

⁴ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. П. С. Кабытов, науч. ред. П. С. Кабытов, О. Б. Леонтьева. Самара, 2020. С. 181, 182, 189. — Более по-

Положение крестьянства по экономическим и демографическим показателям

Имеющаяся официальная статистика позволяет за начальную точку для трех показателей (урожайность, земельный надел, недоимки) принять конец 1850-х — начало 1860-х гг., для большинства — 1860-е гг., для некоторых (за неимением полноценных сведений на ранние даты) — 1870-е гг. Конечной точкой приняты в основном 1880-е гг. Большая часть используемых сведений взята из материалов, собранных Комиссией по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднестатистических губерний сравнительно с другими местностями Европейской России (так называемой Комиссией центра), организованной по распоряжению С. Ю. Витте в 1901 г. В ней участвовали, наряду с видными чиновниками, более сотни экспертов, а также земские деятели. В задачи комиссии входил сбор статистических материалов, всесторонне характеризующих развитие сельского хозяйства после отмены крепостного права в 50 губерниях Европейской России за 40 лет с 1861 по 1900 г. В 1901–1902 гг. благодаря Департаменту окладных сборов Министерства финансов эксперты собрали, обработали и в октябре 1903 г. опубликовали в трех частях сводку преимущественно неопубликованных данных ведомственной и земской статистики. Комиссия центра не только собрала уникальные материалы, но и применила интересную и оригинальную методику их обработки — свидетельство того, что в ее составе работали высокопрофессиональные специалисты⁵. Второй, менее значительный комплекс материалов был собран в 1897–1901 гг. Особым совещанием о положении Черноземного центра под руководством А. Д. Поленова, управлявшего отделом сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ⁶.

Начнем с рассмотрения факторов производства и источников доходов крестьянства (табл. 1).

В пореформенное время естественный прирост обеспечивал ежегодное увеличение численности населения в Европейской России (в 1860-е гг. на 1,4%, в 1880-е гг. на 1,6%), удовлетворяя спрос сельского хозяйства, промышленности и других отраслей народного хозяйства на работников как в стране в целом, так и в столичных губерниях. Возникший в некоторых густонаселенных губерниях еще до эмансипации избыток рабочей силы быстро рос (например, в Московской гу-

---

зительную оценку модернизации самарской деревни см.: Поволжье — «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI — начало XX в.) / под ред. Э. Л. Дубмана, П. С. Кабытова. Самара, 2007; Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI — начало XX в.) / под ред. П. С. Кабытова и др. Самара, 2013. См. также: *Кащенко С. Г.* Источники по истории крестьянской реформы 1861 г. в Санкт-Петербургской и Московской губерниях (Массовые источники и российская статистика середины XIX в.). СПб., 2020.

⁵ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднестатистических губерний сравнительно с другими местностями Европейской России: в 3 ч. СПб., 1903 (далее Материалы Комиссии 1901 г.). — Характеристику собранных материалов см.: *Мионов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012. С. 493–498.

⁶ Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний: Тр. Особого совещ. 1899–1901 г. / сост. А. Д. Поленов. М., 1901.

Таблица 1. Условия хозяйствования крестьянства Санкт-Петербургской и Московской губерний, а также 50 губерний Европейской России в пореформенный период (в номинальных ценах)

Показатель	Годы	Санкт-Петербургская губ.	Московская губ.	Европейская Россия
Численность сельского населения обоих полов, тыс.	1861–1865	467	1080	52 004
	1886–1890	488	1174	74 838
Число работников, тыс.*	1863	280	663	30 330
	1900	292	720	43 648
Число дворов, тыс.	1863	97	201	9736
	1900	101	218	14 010
Доля избыточной рабочей силы, %	1855	–	17	–
	1900	43	23	52
Урожайность хлебов на крестьянских землях, пудов с десятины	1861–1870	39,0	31,0	29,0
	1881–1890	43,0	42,0	34,0
Сбор хлебов и картофеля на душу сельского населения, пудов	1861–1870	19,9	16,0	24,8
	1881–1890	24,8	19,6	22,0
Численность скота, голов на двор	1870	4,1	4,0	9,3
	1900	3,9	4,0	6,5
Надел земли на мужскую душу, десятин	1860	5,1	3,1	5,1
	1890	4,7	2,7	3,3
Доля занятых отходом, %	1861–1870	5,2	4,0	2,4
	1900	16,64	15,6	8,64
Поденная зарплата сельхозрабочего летом, коп.	1871–1870	78	68	57
	1881–1890	79	76	60
Цена пуда ржи, коп.	1871–1875	79	73	64
	1886–1890	73	65	58
Гербовый сбор за сделки на душу населения, коп.	1861–1874	58	36	5
	1888–1890	114	76	10
Грамотность мужского сельского населения, %	1869	–	13,6	13
	1897	50	42	25

Подсчитано по: Вильсон И. И. Объяснение к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1869. С. 78, 110–111, 348–349; Исследование экономического положения... С. 1–70; Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 2–315; Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. Т. 1. СПб., 1905. С. 188–215; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в.: в 3 вып. СПб., 1902–1906; Статистический временник Российской империи. Сер. 1, вып. 1. СПб., 1866. С. 4–31.

Примечание. * Здесь и далее к работникам отнесены мужчины в возрасте 18–59 лет, женщины 26–49 лет. Во второй половине XIX в. они составляли 45–47 % от всего населения.

бернии с 17 до 23 %, в Петербургской — до 43 %). К 1900 г. в Европейской России, по разным оценкам, он составлял 9–56 % от общего числа работников⁷. При наличии «перенаселения» в столичные губернии приезжало больше мигрантов, чем уезжало из них. В 1897 г. уроженцы других мест составляли в Петербургской губернии 45 % от его населения, в Московской — 28 %, положительное сальдо миграции равнялось 35 и 19 %, соответственно. При этом 10 % мигрантов-крестьян в Петербургской губернии и 12 % в Московской поселялись в сельской местности. В Европейской России в целом доля неместных уроженцев составляла только 7 %⁸. Отсюда следует, что столичные губернии являлись весьма привлекательным местом жительства, несмотря на «перенаселение». Постоянно растущий спрос на рабочую силу в столицах и необходимость окультуривать неудобные земли уменьшали излишек работников⁹.

Следствие отрезки земли у помещичьих и удельных крестьян при отмене крепостного права, а также естественного прироста населения с 1860 по 1890 г. землевладение всех разрядов крестьян на душу населения, по официальным сведениям, уменьшилось в Петербургской губернии на 8 %, а в Московской — на 13 %¹⁰. Однако уменьшение наделов компенсировалось ростом урожайности на 10 % в Петербургской и на 35 % в Московской губернии, в результате чего сбор хлебов и картофеля на душу населения повысился на 25 и 23 % соответственно. В Европейской России картина получается более сложной: надел уменьшился на 36 %, урожайность повысилась на 17 %, ввиду чего сбор хлебов упал на 11 %. Однако все дореволюционные и подавляющее большинство советских экспертов (в постсоветской историографии этой проблемой занимаются мало) полагали, что официальная статистика по России в целом занижала урожаи примерно на 9 %, посевы — на 10 % и сборы хлебов — на 19 %. В отдельных губерниях процент искажения варьировался¹¹. Учитывая этот факт, можно полагать, что сборы хлеба в столичных губерниях были больше, чем следует из данных табл. 1, а в Европейской России выросли в пределах 8 % на душу населения.

Общее поголовье скота в расчете на двор в Петербургской губернии уменьшилось на 5 %; в Московской губернии, несмотря на сокращение душевых наделов, осталось на начальном уровне; в Европейской России уменьшилось на 30 %. Однако и в этом случае надо учитывать имманентную тенденцию официальной статистики, основанную на опросах населения, к занижению показателей. Первая сельскохозяйственная перепись 1916 г., проведенная в условиях войны, когда от-

---

⁷ Сводку мнений о перенаселении см.: Волков В. В. К вопросу об аграрном перенаселении в России в конце XIX — начале XX в. (к 110-летию начала работы «Комиссии центра» // Клио. 2012. № 1 (61). С. 61–68.

⁸ Подсчитано по: Общий свод... Т. 1. С. 1, 4, 90, 102.

⁹ Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017. С. 43.

¹⁰ Следует иметь в виду, что у государственных крестьян отрезки не было, наделы удельных крестьян сократились на 11 % в 14 из 19 губерний, а в пяти северных губерниях увеличились; отрезка земли у помещичьих и удельных крестьян сопровождалась уменьшением выкупных платежей. Например, отрезка в Северо-Западном регионе у помещичьих крестьян составила 27,7 %, средний выкупной платеж на душу мужского пола сократился на 24,1 % (Кащенко С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России: Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. М.; СПб., 2009. С. 369, 372–373).

¹¹ Миронов Б. Н. Благополучие населения... С. 219–232.

ветственность за искажение данных была повышена, обнаружила удивительный факт: в 1916 г. поголовье скота оказалось на 50 % больше (!), чем в 1913 г.¹²

Крестьяне столичных губерний получали средства к жизни не только, а многие не столько от своего надела, сколько от промыслов. Здесь прогресс был особенно заметным. Доля отходников среди самостоятельного населения Петербургской губернии выросла в 2,2 раза; Московской — в 2,9; Европейской России — в 2,6. Причем в столичных губерниях доля отходников в 1890-х гг. достигла 16 % и почти в два раза превысила среднероссийский уровень. Еще активнее столичное крестьянство занималось другими промыслами (ремесленными, кустарными, фабрично-заводскими и пр.). К 1900 г. в Европейской России доля работников, занятых промыслами, составила 32 %, в Московской губернии — 78 %, а в Петербургской губернии — 128 %; отсюда следует, что почти треть петербургских крестьян занималась одновременно несколькими промыслами и что в них были вовлечены дети, подростки и люди пожилого возраста. Широкое участие земледельцев столичных губерний в промыслах являлось важнейшим фактором их благополучия, потому что промысловая работа оплачивалась выше земледельческой и приносила больше дохода. В 1900 г. от всех промыслов крестьяне в Петербургской губернии получали 84 % суммарного дохода, от наделной земли — 16 %; в Московской — 76 и 24 %; а в Европейской России — 50 и 50 % соответственно (табл. 2).

Таблица 2. Структура доходов крестьянства Санкт-Петербургской, Московской губерний, а также 50 губерний Европейской России в 1882–1901 г. (в номинальных ценах)

Вид дохода	Петербургская губ., 1882 г.	Московская губ., 1892–1901 гг.	Европейская Россия, 1882–1901 гг.
Валовой доход от наделной земли, тыс. руб. / доля дохода, %	12 052 / 16	21 511 / 24	1 090 631 / 50
Доход от промыслов, тыс. руб. / доля дохода, %	63 187 / 84	66 466 / 76	1 075 801 / 50
Валовой доход десятины наделной земли, руб.	10,8	13,6	9,0
Годовой доход работника от наделной земли, руб. / %	41 / 16	30 / 24	25 / 50
Годовой доход работника от промыслов, руб.	216 / 84	92 / 76	25 / 50
Суммарный годовой доход работника, руб.	258	122	50
Годовая зарплата крестьянина, занятого в промышленности, руб.	273	155	167
Годовая зарплата сельскохозяйственного рабочего, руб.	86	143	92

Подсчитано по: Вильсон И. И. Объяснение к хозяйственно-статистическому атласу... С. 78, 110–111, 348–349; Исследование экономического положения... С. 1–70; Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 2–315; Общий свод... С. 188–215; Свод статистических сведений...; Статистический временник Российской империи. Сер. 1, вып. 1. С. 4–31.

¹² Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. М., 1921. С. 184–185.

Благоприятно складывались и другие условия хозяйствования. Хлебные цены в 1870–1890-х гг. умеренно снизились (на 9–11 %), что имело положительный эффект для крестьянского, преимущественно потребительского хозяйства. Оплата труда сельскохозяйственного рабочего немного (на 1–8 %) повысилась. В экономике в целом наблюдалось оживление. Об этом говорит рост товарности крестьянского хозяйства, торговых оборотов и промышленного производства, а также пропорционального гербового сбора, которым облагались акты и документы по всем имущественным сделкам: в Петербургской губернии сборы выросли на 56 %, в Московской — на 41 %, в Европейской России — на 5 %. По этому показателю с огромным преимуществом лидировали столичные губернии. И наконец, отметим увеличение человеческого капитала, как принято называть совокупность знаний, умений, навыков, используемых для удовлетворения индивидуальных и социальных потребностей. В нашем случае он может оцениваться по доле грамотных. В 1857–1897 гг. среди мужского сельского населения выросла в Петербургской губернии примерно с 21 до 50 %, в Московской — с 22 до 42, в Европейской России — с 11 до 25. Грамотные крестьяне легче находили работу за пределами деревни, лучше ориентировались в новых пореформенных обстоятельствах жизни, рациональнее принимали решения, были лучше информированы и проявляли большую склонность к нововведениям.

Приведенные данные свидетельствуют о позитивных сдвигах в пореформенной деревне Европейской России, при этом столичные губернии шли впереди, среди них Петербургская.

Теперь рассмотрим показатели, которые часто используются для характеристики степени достаточности крестьянских доходов, — недоимку, потребление алкоголя, вклады в банки и демографические коэффициенты (табл. 3).

Оклад казенных и земских сборов с крестьянской земли в пореформенное время существенно понизился: в Петербургской губернии — на 47 %, в Московской — на 42 %, в Европейской России — на 16 %. В 1882 г. платежи за землю, выкупаемую бывшими помещичьими крестьянами, также уменьшились на 27 %¹³. В результате чистый остаток после оплаты налогов и выкупных платежей возрос. Комиссия центра констатировала в 1903 г.: «Нельзя не остановить внимания на сравнительной незначительности расхода на повинности, тяжестью коих часто объясняется неблагоприятное положение крестьянского хозяйства. Обзорение бюджетов приводит, напротив, к заключению, что повинности в крестьянском бюджете играют роль далеко не преимущественную и что центр тяжести расходного бюджета лежит на издержках на пищу и хозяйство»¹⁴.

В пореформенное время косвенные налоги, которые, напомним, носили фискальный характер, выросли. Но в них 62 % приходилось на водку и табак, которые вряд ли можно считать предметами первой необходимости. Кроме того, бремя косвенных налогов ложилось главным образом на горожан. Спички, нефть, табак, сахар и даже водка потреблялись в большей степени в городе. Например, питейный доход с сельского населения в 1901 г. дал в государственный бюджет 143,9 млн руб. из 476,3 млн руб. общего питейного дохода этого года, или 30,2 %. Следовательно, 69,8 % алкоголя было продано населению, проживающему в горо-

¹³ Статистический временник Российской империи. Сер. 3, вып. 5. СПб., 1885. С. 110–111.

¹⁴ Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 3. С. 134.

**Таблица 3. Показатели достаточности доходов населения
Санкт-Петербургской и Московской губерний, а также 50 губерний Европейской России
(в номинальных ценах в среднем за год)**

Показатель	Годы	Санкт-Петербургская губ.	Московская губ.	Европейская Россия
Оклад казенных и земских сборов с надельной земли в год на десятину, коп.	1871–1875	171	244	144
	1881–1890	124	202	128
Недоимка по окладу, %	1850	1,7	0	22
	1881–1890	37	13	43
Потребление водки на душу населения, л	1870–1874	15,6	24,1	0,4
	1885–1889	25,0	19,4	0,3
Сберегательных счетов, открытых работниками и земледельцами, тыс.	1881–1884	4,2	1,0	7,7
	1889–1893	7,5	5,3	75,5
Средний вклад работников и земледельцев, руб.	1898–1900	223	216	192
Первоначальный взнос всех вкладчиков (работников и земледельцев) в год, тыс. руб.	1881–1884	125	38	303
	1889–1893	332	320	8433

Подсчитано по: Российский Государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 869 (Милютины). Оп. 1. Д. 789. Таблицы к Статистическому атласу, составленному в Министерстве внутренних дел. 1850 г.; *Вильсон И. И.* Объяснение к хозяйственно-статистическому атласу... С. 78, 110–111, 348–349; Исследование экономического положения... С. 1–70; Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 48–49; Общий свод... С. 188–215; Свод статистических сведений...; Статистический временник Российской империи. Сер. 1, вып. 1. С. 4–31.

дах. В целом в начале XX столетия крестьяне по сравнению с горожанами платили в 5,5 раза меньше прямых налогов и в 8,7 раза меньше косвенных налогов в расчете на душу. Вопреки распространенному представлению норма обложения и прямыми, и косвенными налогами у крестьян в пореформенное время понизилась как в целом по России, так и в столичных губерниях¹⁵.

Недоимка традиционно используется в качестве едва ли не главного показателя уровня жизни крестьянства. В 1850 г. недоимка к государственному окладу у всех категорий крестьян была мизерной — в Петербургской губернии 1,7 % (в том числе у государственных крестьян — 1,9 %, у помещичьих — 1,5 %); в Московской губернии — 0,1 % (0,2 и 0 % соответственно); в Европейской России — 5,6 % (7,7 и 3,6 % соответственно). В 1880-х гг. недоимка всех категорий крестьян существенно возросла: на 35 процентных пунктов в Петербургской, на 13 — в Московской и на 37 — в 50 губерниях Европейской России. Это полностью противоречит тому, что показывают данные о производстве и доходах, которые росли, и о государственных налогах, которые уменьшались. Такие данные использовались экономистами, публицистами и чиновниками как доказательство «надорванной платежеспособности»,

¹⁵ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения... С. 266.

обеднения и кризиса деревни¹⁶. Однако в распределении недоимок между различными категориями крестьянства и в аккуратности уплаты разных платежей обнаруживаются несообразности. Как показывает корреляционный анализ, в 1850-х гг. у помещичьих крестьян зависимость между величиной платежей и недоимками в 44 губерниях отсутствовала, а у казенных крестьян коэффициент получился отрицательным (-0,34), что указывает на существование парадоксальной обратной связи между недоимками и платежами: недоимка оказывалась меньше в тех губерниях, где налоги и повинности были выше. К 1900 г. больше всего недоимок накопилось у бывших удельных и государственных крестьян, освобожденных на лучших условиях, — 152 и 143 % от оклада, соответственно, а меньше всего — у бывших помещичьих, освобожденных на самых тяжелых условиях, — 96 % оклада¹⁷; помещичьи крестьяне платили за десятину надельной земли больше, чем бывшие государственные крестьяне, до 1883 г. в 2,85 раза, а с 1883 г. в 2,1 раза. Вторая странность: крестьяне довольно исправно вносили выкупные платежи, а платить налоги не спешили¹⁸. Получается, с одной стороны, исправнее всего платили подати самые необеспеченные, а хуже всего — наиболее состоятельные категории крестьянства; с другой — для выкупа земли находились деньги, а для уплаты налогов — нет.

Приведенные факты демонстрируют, что недоимочность по казенным платежам нельзя считать надежным индикатором благополучия податных сословий¹⁹. Крестьяне не спешили платить подати даже тогда, когда располагали средствами. По свидетельству современников, крестьяне предпочитали приbedняться, а не выставлять напоказ свое благосостояние²⁰, имея для этого два серьезных мотива. Во-первых, казенные недоимки регулярно прощались верховной властью как до, так и после эмансипации. В 1862–1906 гг. им было прощено на 58,5 млн руб. — огромная по тем временам сумма²¹. Почти всегда новый монарх при вступлении на престол полностью или в значительной степени прощал накопившиеся долги, о чем население прекрасно знало. Во-вторых, власти при назначении и изменении окладов учитывали недоимку. Крестьяне об этом знали и потому использовали недоимки в качестве эффективного оружия против увеличения налогов.

Современники считали, что рост потребления алкоголя (точнее, расходов на его покупку) свидетельствует о повышении уровня жизни крестьян, и наоборот²².

¹⁶ Шванебах П. Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 145–147, 168–169; Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 3. С. 235.

¹⁷ Кованько П. Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения (выкупная операция: 1861 г. — 1907 г.). Киев, 1914. Приложение 4, табл. 4; приложение 5, табл. 1; Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 3. С. 251.

¹⁸ Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 3. С. 251; Статистический временник Российской империи. Сер. 3, вып. 5. С. 1–128.

¹⁹ Этот тезис поддерживают: *Simms J. Y., Jr. The Crisis of Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View // Slavic Review. 1977. Vol. 36, no. 3. P. 385; Hamburg G. M. The Crisis in Russian Agriculture: A Comment // Ibid. 1978. Vol. 37, no. 3. P. 485; Грегорю П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 35; Давыдов М. А. «Голодный экспорт» в истории Российской империи // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2012/06/26/hunger/> (дата обращения: 24.06.2021).*

²⁰ Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006. С. 22–23, 53.

²¹ Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 142–144; Руковский И. П. Историко-статистические сведения. СПб., 1863. С. 183–213.

²² Мионов Б. Н. Благополучие населения... С. 455–456.

В 1861–1889 гг. четкой тенденции не просматривается. В Петербургской губернии потребление возросло, в Московской губернии и Европейской России незначительно снизилось. В 1885–1889 гг. на душу населения в Петербургской губернии алкоголя продавалось в 83 раза больше, чем в Европейской России, а в Московской — в 65 раз. Однако в деревне потреблялось лишь около 30 % всего производимого алкоголя, в то время как в 1897 г. там проживало 87 % населения.

В советской и современной историографии редко используются вклады населения в банки в качестве показателя уровня жизни трудящихся. Между тем депозиты (в первую очередь в сберегательные кассы, бывшие народным банком, так как они принимали вклады, начиная с 25 коп.) являются полезным инструментом, потому что в социальной структуре вкладчиков выделялась категория «работники и земледельцы», львиная доля которых являлись крестьянами. Кассы появились в 1863 г. в Петербурге и Москве; через 22 года, в 1885 г., в Европейской России насчитывалось около 171 тыс. вкладчиков. Доля работников среди них увеличилась с 8,4 до 16,3 %, величина депозита — с 66 до 107 руб. В 1880–1890-х гг. количество и величина вкладов в сберкассах имели положительную динамику, но вкладчиков было очень мало по сравнению с численностью крестьян, а величина вкладов ничтожна.

При оценке положения населения широко используются демографические показатели. Влияние уровня жизни на брачность, заболеваемость, смертность и естественный прирост крестьянства признавалось всеми экспертами²³. Обычно демографические показатели относительно крестьян, проживавших в сельской местности, оценивают по данным, касающимся всей губернии, поскольку доля городского населения в XIX — начале XX в. была невелика. Однако столичные губернии являлись сильно урбанизированными. Доля горожан в 1863 г. в Петербургской губернии составляла 51 %, в Московской — 37 %, в 1897 г. — 67 и 47 % соответственно, в то время как в Европейской России — лишь 10 % в 1863 г. и 13 % в 1897 г.²⁴ Демографические коэффициенты в городах и уездах столичных губерний сильно различались, поэтому их величину будем оценивать отдельно для городского и сельского населения (табл. 4).

Как показывают расчеты, с 1859–1863 по 1890–1895 гг. в Петербургской и Московской губерниях брачность, рождаемость и особенно смертность уменьшились в большей степени, чем в Европейской России, а у городского населения больше, чем у сельского. Несмотря на это, естественный прирост населения остался высоким.

Уменьшение рождаемости и смертности произошло в результате развития медицины и санитарии, расширения бесплатной медицинской помощи, повышения культурного уровня населения, изменения демографической ментальности

---

²³ Воронов И. Народное хозяйство и народное здоровье // Медицинская беседа. 1904. № 2. С. 34–36; Воспроизводство населения СССР / под ред. А. Г. Вишневого, А. Г. Волкова. М., 1983. С. 47–56; Куркин П. И. Статистика движения населения в Московской губернии в 1883–1897 гг. М., 1902. С. 512; Новосельский С. А. Вопросы демографической и санитарной статистики. М., 1958. С. 76–86; Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки. М., 1956. С. 173, 221–224; Смертность населения и социальные условия. Пг., 1916. С. 1–8; Шингарев А. И. Заболеваемость населения Воронежской губернии, 1898–1902 гг. Воронеж, 1906. Т. 1, ч. 1. С. 337–345; Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 217–219.

²⁴ Общий свод... Т. 1. С. 4–5.

Таблица 4. Динамика (в %) демографических процессов в Санкт-Петербургской и Московской губерниях, а также в 50 губерниях Европейской России в 1859–1863 (числитель) и 1891–1895 гг. (знаменатель)

Показатель	Санкт-Петербургская губ.			Московская губ.			Европейская Россия		
	Село	Город	Итого	Село	Город	Итого	Село	Город	Итого
Брачность	$\frac{8,0}{6,2}$	$\frac{8,0}{6,1}$	$\frac{8,0}{6,1}$	$\frac{9,0}{8,7}$	$\frac{10,6}{5,2}$	$\frac{9,4}{7,1}$	$\frac{10,5}{9,4}$	$\frac{9,7}{7,0}$	$\frac{10,4}{9,1}$
Рождаемость	$\frac{45}{38}$	$\frac{37}{31}$	$\frac{41}{34}$	$\frac{55}{51}$	$\frac{50}{33}$	$\frac{54}{43}$	$\frac{51}{51}$	$\frac{46}{36}$	$\frac{50}{49}$
Смертность	$\frac{40}{40}$	$\frac{36}{26}$	$\frac{38}{28}$	$\frac{52}{43}$	$\frac{42}{30}$	$\frac{49}{37}$	$\frac{36}{37}$	$\frac{38}{30}$	$\frac{36}{36}$
Естественный прирост	$\frac{5}{7}$	$\frac{1}{5}$	$\frac{3}{6}$	$\frac{3}{8}$	$\frac{8}{3}$	$\frac{5}{6}$	$\frac{15}{14}$	$\frac{8}{6}$	$\frac{14}{13}$

Подсчитано по: Военно-статистический сборник: в 4 вып. Вып. IV, отд. 2 / под ред. Н. Н. Обручева. СПб., 1871. С. 53–67; Движение населения в Европейской России за [1891–1895] год. СПб., 1895–1899.

и начавшегося регулирования рождаемости. Но поскольку в перечисленных областях успехи были скромными²⁵, без повышения уровня жизни заметное снижение смертности и увеличение естественного прироста населения вряд ли стали бы возможны. Что касается падения брачности, то таким способом крестьяне и горожане пытались уменьшить рождаемость. Замечу, что в западноевропейских странах до конца XVIII в., когда началось использование контрацепции, именно регулирование брачности служило важнейшим фактором снижения рождаемости²⁶.

Итак, анализ экономического развития столичных губерний позволяет предположить, что в 1861–1890 гг. условия хозяйствования крестьянства по преимуществу улучшались, а его доходы росли. Динамика уровня жизни выглядела позитивной, однако картину нельзя назвать однозначной и благостной. Земельные наделы и количество скота на душу населения уменьшались, наблюдался избыток рабочей силы, смертность была высокой, накопления незначительными. При этом столичные губернии на фоне 50 губерний Европейской России выглядели лучше, темпы их развития были выше в значительной мере благодаря высокой урбанизированности, близости столиц с огромным спросом и рынком труда, а также массовой вовлеченности крестьян в промышленность и промыслы. Среднероссийские показатели выглядят менее впечатляющими, негативных моментов в развитии сельского хозяйства больше, что вызывает сомнение в положительном тренде. Но самое главное, что принципиальные данные об урожайности, производстве сельскохозяйственной продукции и численности скота потребовали коррекции, величина которой достаточно субъективна.

Неоднозначные выводы сделали представители Особого совещания и Комиссии центра. По мнению первых, негативные признаки в сельском хозяйстве обнаружались лишь в первой половине 1890-х гг. и только в девяти центрально-черноземных губерниях в связи с неурожаями, в то время как большая часть страны

²⁵ Миронов Б. Н. Благополучие населения... С. 291–294.

²⁶ Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб., 2019. С. 277–284.

находилась в относительно благополучном состоянии. Комиссия центра пришла к выводу, что к началу 1900-х гг. «неблагополучный центр» расширился до 18 губерний, относительно которых можно говорить «о менее успешном развитии или даже упадке благосостояния сравнительно с другими»²⁷.

Антропометрический анализ

В ситуации неопределенности хочется проверить полученные выводы на новых данных. Такую возможность дают антропометрические показатели, которые оценивают благополучие людей по биологическому статусу. Биологический статус, или биостатус (пищевой статус, статус питания, энергетический статус), характеризует адекватность потребленных пищевых продуктов энергетическим потребностям человека. Биостатус оценивается по данным о физическом росте человека, или длине тела, а также по весу, индексу массы тела, возрасту наступления физической зрелости и другим показателям. Такой подход опирается на доказанный в биологии человека тезис: факторы среды оказывают определяющее воздействие на *изменчивость* среднего роста во времени и пространстве для *социальных групп и популяций*. Вариация роста обуславливается *чистой* разницей между потребленной вместе с пищей энергией и энергией, израсходованной в течение всей предшествующей жизни. Иными словами, средний рост отражает *историю чистого потребления*, а средний рост представителей определенной группы людей можно считать историческим показателем как количества и качества потребленных в детстве и юности продуктов питания, так и жизненных условий своего времени. Из этого следует, что высокие люди (взрослые и дети) в *большинстве* своем лучше питались, имели лучший уход, меньше болели и т. д., т. е. *по большей части* обладали более высоким биостатусом, чем люди с низким ростом.

Важно иметь в виду, что средний рост и соответственно биостатус *не являются синонимом дохода и благосостояния* — это специфический индикатор качества жизни. Экономисты обнаружили, что валовой внутренний продукт на душу населения объясняет вариацию среднего роста людей в разных странах не на 100, а примерно на 67–77 %. Доход сам по себе не предопределяет потребление, которое зависит от многих факторов. Например, дополнительный доход может пойти на уплату налогов или ренты, на покупку недвижимой собственности, одежды и предметов быта, может быть проигран в рулетку. В перечисленных случаях повышение дохода может сопровождаться ухудшением здоровья и понижением биостатуса тех или иных людей. В то же время при уменьшении дохода семья может сохранить расходы на поддержание биостатуса своих членов, и в этом случае он не понизится.

В отличие от дохода финальный, или конечный, рост, достигаемый к моменту наступления полной физической зрелости и в последующем практически не увеличивающийся, является суммарным показателем уровня *чистого потребления* в годы физического развития. Во-первых, он отражает доступ человека к пище, к тем ресурсам, которые влияют на здоровье и поддерживают биостатус человека, — к жилищу, медицинскому обслуживанию и др. Во-вторых, показывая баланс

---

²⁷ Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности: 1902–1904. СПб., 1904. С. 48–49.

между потреблением и расходом энергии, полученной от пищи, на работу и борьбу с болезнями, рост является реальным физическим результатом экономической активности, в то время как доход показывает потенциальное, а не фактическое потребление. Поскольку расходы на поддержание биостатуса в семейном бюджете российского крестьянства были главными, то по росту можно оценивать *изменения* и уровня жизни. Согласно самым ранним бюджетным обследованиям 1877–1883 гг., крестьяне, занятые преимущественно земледелием, расходовали только на питание, одежду и жилище 54 % своего совокупного дохода (на питание — 40 %, на одежду и жилище — 14 %), а занятые главным образом кустарными промыслами — более 78 % (на питание — 60 %, на одежду и жилище — 18 %)²⁸.

Остановимся на *методологических аспектах* анализа ростовых данных. Методика обработки ростовых данных для историка довольно сложна. К счастью, все процедуры компьютеризированы, программы собраны в одном пакете, данные обрабатываются в автоматическом режиме. От исследователя требуется надлежащим образом ввести их в компьютер, запустить программу, получить результаты и их интерпретировать. Однако нужно понимать специфику ростовых данных, проблемы, которые возникают при их обработке и анализе, и способы их решения. Существует пять главных проблем.

1. В антропометрии, как правило, используются *выборочные данные*, значение которых в той или иной степени отличаются от тех, которые получились бы в случае наличия и обработки всех данных, т. е. генеральной совокупности, — это отличие называется стандартной ошибкой выборки. Решение проблемы состоит в контроле посредством стандартной ошибки выборочных средних. Она, во-первых, известна и может заранее задаваться исследователем; а во-вторых, при наличии определенного минимума сведений, не превышает величины, затрудняющей интерпретацию данных. Ошибка вычисляется по специальной формуле на основе данных, имеющихся в распоряжении исследователя.

2. *Ростовой ценз*, или установленный законом минимальный предельный рост для призыва в армию, из-за которого из базы данных исключаются низкорослые мужчины, ввиду чего завышается средний рост новобранцев сравнительно с ростом всех мужчин в популяции. Такая выборка называется *цензурированной* по росту, или усеченной. Решение проблемы заключается в применении *метода максимального правдоподобия*, способного восстановить отсеченную цензом часть выборки по известной части и определить средний рост новобранцев в генеральной совокупности.

3. *Неоднородный состав выборок* за разные годы, в разных губерниях и регионах по возрасту, сословию, месту проживания, семейному положению, образованию, профессии, этносу/конфессии. Так как длина тела зависит от перечисленных признаков, например средний рост грамотных и женатых (при одинаковости других признаков) в среднем выше, чем неграмотных и холостых, то средний рост в двух выборках может отличаться только потому, что в одной больше женатых и грамотных, чем в другой. Решить проблему можно путем *стандартизации, или нормирования, состава выборок*, которая делает их сопоставимыми. Стандартизация осуществляется с помощью метода множественной регрессии. Полученная

---

²⁸ Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 3. С. 132–134.

средняя длина тела называется *истинным ростом референтной, или стандартизированной (однородной по своему составу), группы*. Это теоретическая оценка роста всех мужчин определенного стандарта, из которых набирались рекруты. В нашем случае референтной группой являются, как правило, крестьяне в возрасте 21 года, холостые, проживавшие в деревне, неграмотные, русские, православные. Если речь идет о динамике, то истинный рост показывает, какой бы была динамика среднего роста мужчин, если бы все они имели одинаковый возраст (21 год), социальный статус (крестьяне), семейное положение (холостые), место проживания (сельская местность), образование (неграмотные) и этническую принадлежность (русские). Динамика истинного среднего роста показывает истинную динамику, т. е. *динамику роста в чистом виде*. Стандартизация позволяет, в частности, решить также проблему, создаваемую возрастным цензом (так называется установленный законом минимальный и максимальный предельный возраст для призыва в армию), в случае если ценз изменяется. Но в изучаемом периоде, 1874–1913 гг., ценз оставался постоянным — 21 год. Небольшое число новобранцев, получивших отсрочку, призывались в более старшем возрасте.

4. К какому году привязывать ростовые данные — к году измерения или рождения? Решение проблемы: *сведения о росте привязываются к году рождения*, а не к году измерения. Во-первых, потому, что в противном случае их трудно анализировать, так как возраст измерения роста для людей одного года рождения часто бывает различным. Во-вторых, при последовательном (год за годом или пятилетие за пятилетием) сравнении ростовых данных решающими для роста оказываются первые годы жизни. Проиллюстрируем это на конкретном примере. В 1874–1913 гг. в армию шли преимущественно 21-летние. Если рост 21-летних мужчин является результатом изменения их биологического статуса в течение 21 года (всей предшествующей жизни), то о чем говорит, например, изменение среднего роста новобранцев, принятых на службу в 1881 г., сравнительно с принятыми годом раньше, в 1880 г.? В 1880 г. средний рост 21-летних новобранцев равнялся 1645 мм, а в 1881 г. — 1646 мм, то есть увеличился на один миллиметр. Рост 21-летних новобранцев 1880 г. призыва являлся итоговым результатом условий жизни с 1859 по 1879 г., а 1881 г. призыва — с 1860 по 1880 г. Но первый 21-летний период (1859–1879 гг.) и второй 21-летний период (1860–1880 гг.) различаются только 1859 и 1880 гг. Какой из них более важен для длины тела — 1859-й или 1880-й? Без сомнения, 1859 г., так как этот календарный год является первым годом жизни для когорты, родившейся в 1859 г., а 1880 г. — двадцать первым годом жизни для когорты, родившейся в 1860 г. Для длины тела человека первый год жизни имеет во много раз большее значение, чем двадцать первый год, так как именно на первом году происходит наибольшее прибавление роста и закладывается базис для физического развития в последующие годы. Следовательно, разница в длине тела новобранцев 1859 и 1860 гг. рождения, равная 1 мм, объясняется преимущественно условиями жизни в 1859 г. Сравнивая средний рост когорт 1859 и 1860 гг. рождения, мы оцениваем значение именно 1859 г. для биостатуса этих когорт, и потому привязываем рост новобранцев 1879 г. призыва к 1859 г. Если сравнивать 5-летние когорты новобранцев, призванных, например, в 1880–1884 гг. (рожденных в 1859–1863 гг.) и призванных в 1881–1885 гг. (рожденных в 1860–1864 гг.), то важнейшими будут первые пять лет их жизни, т. е. 1859–1863 гг.

5. *Обработка суммарных данных и конструирование ростовых интервалов.* До 1874 г. в отчетах рекрутских присутствий фигурировали индивидуальные данные, с 1874 г. — суммарные. Чиновники присутствий не вычисляли *средний* рост новобранца в уезде или губернии, а лишь распределяли новобранцев по 11 ростовым интервалам:

- 1) 2 аршина 2 ½ вершка;
- 2) до 2 аршин 3 вершков;
- 3) до 2 аршин 4 вершков;
- 4) до 2 аршин 5 вершков;
- ...
- 11) до 2 аршин 12 вершков.

Аршин равен 71,12 см, вершок — 4,445 см. Средний рост новобранцев в уезде, губернии или России в целом подсчитывается самим исследователем по стандартной статистической методике следующим образом: а) определяется середина каждого из 11 интервалов (в миллиметрах); б) середина интервала умножается на число рекрутов в данной интервальной группе, и получается 11 произведений; в) все 11 произведений складываются; г) полученная общая сумма делится на число рекрутов во всех 11 группах (на общее число рекрутов). И здесь возникает вопрос: как чиновники конструировали интервалы при распределении рекрутов по интервалам? В инструкции ни верхняя, ни нижняя граница интервалов не были точно определены (в статистике это называется открытым интервалом). Например, 2-й интервал — до 2 аршин 3 вершков — не имеет точных границ. В силу этого перед чиновником возникал вопрос: если рост рекрута *более* 2 аршин ½ вершка, но *менее* 2 аршин 3 вершков — в какую интервальную группу нужно его включать — в первую или во вторую? Чтобы решить этот вопрос, чиновник должен был открытые границы интервалов превратить в закрытые (конечно, при этом он не размышлял в статистических категориях). Поскольку в 1874–1913 гг. рост измерялся с точностью до 1/8 вершка, теоретически при конструировании интервалов чиновник мог использовать два варианта интервалов (табл. 5).

Таблица 5. Варианты конструирования ростовых интервалов

№ интервала	1-й вариант	2-й вариант	Середина интервала, см	
			1-й вариант	2-й вариант
1	2 аршина 2 ½ вершка	2 аршина 2 ½ вершка — 2 аршина 2 7/8 вершка	153,4	154,2
2	2 аршина 2 ¾ вершка — 2 аршина 3 вершка	2 аршина 3 вершка — 2 аршина 3 7/8 вершка	155,0	157,5
3	2 аршина 3 ⅛ вершка — 2 аршина 4 вершка	2 аршина 4 вершка — 2 аршина 4 7/8 вершка	158,1	162,0
4	2 аршина 4 ⅛ вершка — 2 аршина 5 вершков	2 аршина 5 вершков — 2 аршина 5 7/8 вершка	162,5	166,4
5–10	...	...	...	...
11	до 2 аршина 12 вершков	2 аршина 12 вершков — 2 аршина 13 вершков	193,4	195,6

В 1-м варианте середина интервала и соответственно средний рост новобранцев, попавших в определенный интервал, будет примерно на $\frac{1}{8}$ вершка (5,6 мм) меньше, чем во 2-м варианте, потому что верхняя и нижняя границы интервалов различаются. При этом, однако, средний рост новобранцев (в уезде или губернии) останется прежним, так как при изменении интервалов на $\frac{1}{8}$ вершка те же самые новобранцы просто перераспределятся между другими 11 интервалами. Но если применить иной способ расчета среднего роста к данным, представленным чиновниками по 1-му варианту, то средний рост будет преувеличен на $\frac{1}{8}$ вершка, или 5,6 мм. Величина небольшая, но все-таки любой неточности лучше избегать. Для ответа на вопрос, какие интервалы фактически использовались в рекрутских присутствиях, нужно обратиться к их делопроизводству. Анализ показал, что чиновники применяли 1-й вариант.

В 1890 г. Управление по делам о воинской повинности разослало во все воинские присутствия циркуляр, в котором требовалось несколько изменить *форму представления годовых отчетов*:

- 1) 2 аршина 2 $\frac{1}{2}$ вершка;
- 2) до 2 аршин 3 вершков *включительно*;
- 3) до 2 аршин 4 вершков *включительно*;
- 4) до 2 аршин 5 вершков *включительно*;
- ...
- 11) до 2 аршин 12 вершков *включительно*.

«Включительно» — важное дополнение: открытые интервалы для обобщения ростовых данных превратились в закрытые. Вследствие этого *обязательным стало использование 1-го варианта распределения рекрутов по интервалам*. Однако и до 1890 г. в присутствиях использовался 1-й вариант. Циркуляр просто подтвердил 1-й вариант конструирования интервалов. Таким образом, уточнение «включительно» не изменило процедуру конструирования интервалов роста, а лишь устранило сомнения, которые могли возникнуть у чиновников рекрутских присутствий. Ввиду того что интервалы остались прежними, присутствия долгое время представляли годовые отчеты по старой форме, без слова «включительно». Само Управление по делам о воинской повинности и Центральное статистическое управление в ретроспективных сводках сведений о росте указывали единые ростовые интервалы, установленные в 1874 г. для 1874–1913 гг.²⁹ В ежегодных отчетах Военного министерства также указывались единые ростовые интервалы для 1874–1912 гг.³⁰

Все указанные способы решения проблем являются общепринятыми и стандартными в исторической антропометрии. Подчеркну, что они теоретически обоснованы и много раз эмпирически проверены и подтверждены³¹. В данной статье используются только суммарные данные о новобранцах, призванных в 1874–1911 гг. в столичных губерниях и 50 губерниях Европейской России, т. е. рожденных в 1853–1890 гг. В эти годы воинская повинность была всесословной, а ростовой

²⁹ Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М., 1924. С. 52–53.

³⁰ Столетие Военного министерства. 1802–1902. [Т. 4], ч. 3, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск с 1855 по 1902 год / сост. В. В. Шепетильников. СПб., 1914. С. 136–175, 300; Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за [1874–1913] год. СПб.; Пг., 1876–1916; Отчет о состоянии народного здоровья за [1903–1912] год. СПб., 1905–1914.

³¹ Методология работы с антропометрическими сведениями подробно описана в кн.: Мионов Б. Н. Благосостояние населения... С. 72–107.

и возрастной цензы — постоянными (1534 мм и 21 год соответственно), правила призыва и состав новобранцев разных годов призыва — однородными. Благодаря этому состав новобранцев для отдельных годов и регионов отличался однородностью по основным признакам: средний возраст — 21,2 года, социальный статус — 90–92 % крестьяне, живущие в деревне, православные — 80 %, холостые — 76 %, неграмотные — 78 %³², что существенно упрощает анализ. При определении среднего роста референтной группы достаточно учитывать невысокий ростовой ценз. Стандартизация по другим признакам не требуется, так как в анализе мы будем оставаться в границах призывного интервала 1874–1913 гг., когда действовали единые цензы и правила призыва. Важно, что возрастной ценз был высоким — 21 год. К этому моменту жизненного цикла значительная часть мужчин достигала полной физической зрелости и увеличение роста прекращалось, по крайней мере скольконибудь заметное.

Итак, колебания роста служат индикатором изменений в биологическом статусе населения, а для России 1853–1890 гг. также и показателем благосостояния, поскольку в эти годы на поддержание биологического статуса уходило более половины доходов трудящихся. Повышение средней длины тела популяции во времени свидетельствует об улучшении ее биологического статуса, а уменьшение — об ухудшении. В нашем случае неизменность цензов и схожесть социального состава новобранцев позволяют по натуральным сведениям о росте получить адекватную картину динамики биостатуса. Однако без учета ростового ценза выборочные данные преувеличат среднюю длину тела всех крестьян мужского пола (призванных и непризванных), так как в число новобранцев не попадали низкорослые мужчины.

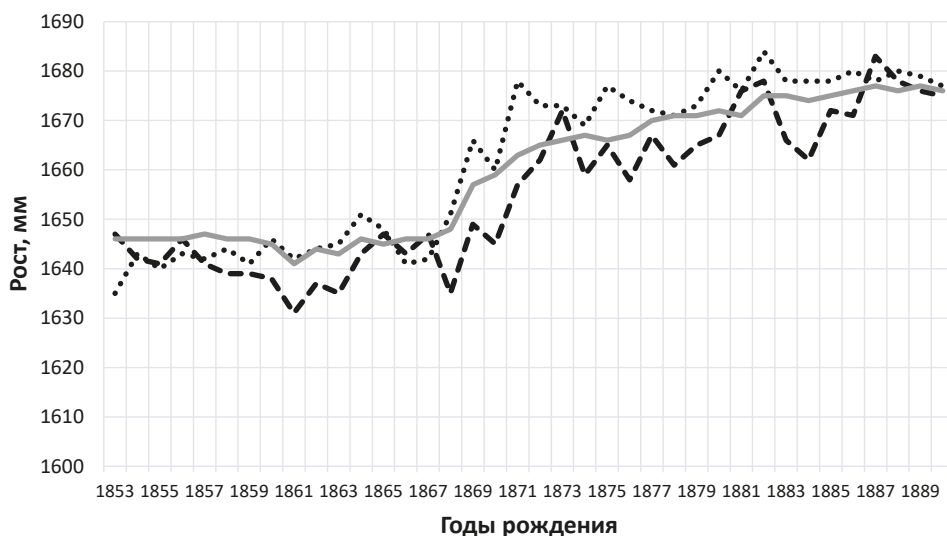
Следует отметить, что не все историки безоговорочно приняли результаты данных исследований по исторической антропометрии. В 2010 г., после выхода в свет монографии автора настоящей статьи «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века», разгорелись нешуточные страсти на круглом столе в журнале «Российская история». Некоторые коллеги выразили скепсис к самому антропометрическому подходу. Они полагали, что зависимость между ростом людей и уровнем жизни — искусственная закономерность, выдумка, за которой объективно ничего не стоит. Звучали реплики: «Не верится», «Сомнительно», «Неубедительно», при этом не приводилось никаких контраргументов. Одни обвинили автора в биологическом детерминизме (А. А. Куренышев), вторые заявили об опасности антропометрии, поскольку ее данные использовались в криминальной антропологии и расистских теориях фашизма (П. П. Щербинин). Третьи называли автора монографии лжеисториком, а в книге видели «самые худшие образцы банальной конспирологической беллетристики» (С. А. Ермолаев). Четвертые обвиняли в безнравственности: «“Антропометрические” приемы Миронова аморальны — к истории людей нельзя подходить как к истории скотов, набирающих или теряющих вес под наблюдением правительственных зоотехников» (В. П. Булдаков). Пятые утверждали, что автор выполняет политический заказ, имеющий целью придать научную видимость представлениям, будто накануне 1917 г. в России все обстояло благополучно, намекали на заказ от спецслужб США и пребывание на

---

³² Там же. С. 156–159.

содержании у врагов русского народа (С. А. Нефедов и А. В. Островский)³³. Вначале идея, лежащая в основе антропометрического подхода к уровню жизни, отвергалась значительной частью историков в принципе. Соответственно не принимались и выводы, сделанные на базе антропометрических данных. Однако позже, когда оппоненты узнали, что историческая антропометрия — направление в мировой историографии, что в каждой развитой в научном отношении стране есть историки, этим занимающиеся, ситуация изменилась. Лобовая атака захлебнулась, критика антропометрии как направления утихла. Оппоненты (фактически их осталось уже двое — С. А. Нефедов и А. В. Островский) стали искать ошибки в использованной методике. Они нашли их в том, что измерения роста в разное время делались якобы по различным методикам, вследствие чего правильную динамику роста на их основе построить невозможно. Подробный ответ на все замечания оппонентов был дан в книге³⁴, а также в интервью³⁵.

Обратимся теперь к анализу антропометрических данных. Рисунок показывает, как изменялась длина тела стандартной референтной группы — православных крестьян, проживавших в деревне, в возрасте 21 года, холостых, неграмотных.

..... Петербургская   - - - - - Московская   — Европейская Россия

Рост крестьян Санкт-Петербургской и Московской губерний, а также 50 губерний Европейской России в 1853–1890 гг., мм

³³ Россия в истории: от измерения к пониманию: Новая книга Б. Н. Миронова в откликах и размышлениях его коллег: материалы круглого стола по книге Б. Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в России: XVIII — начало XX века». М.: Новый хронограф, 2010. 911 с. // Российская история. 2011. № 1. С. 145–204.

³⁴ Миронов Б. Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М., 2014.

³⁵ «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен». Интервью с Б. Н. Мироновым // Историческая экспертиза. 2020. № 3 (24). С. 275–309.

На графике хорошо видно, что с 1861 г. как в столичных губерниях, так и в Европейской России в целом крестьяне стали прибавлять в росте. Вызывает удивление, что еще не успели сказаться реальные последствия крестьянской реформы, а биостатус крестьян уже стал повышаться. Можно предположить, что надежды на благоприятное будущее как-то повлияли на текущее потребление крестьянства. Это напоминает повышение или понижение хлебных цен в зависимости от хороших или плохих видов на урожай, рост или снижение нефтяных цен на предположения о росте и падении спроса на нефть. Возможны, конечно, и другие объяснения, например увеличение урожайности под влиянием погоды, изменение экономической конъюнктуры и т. п., но это тема специального исследования.

Как известно, тенденции в динамических рядах выявляются на основе многолетних данных. Средние 5-летние данные обнаруживают, что с 1853–1860 гг. по 1886–1890 гг. рост крестьян повсеместно увеличился: в Петербургской губернии — на 36 мм, в Московской — на 33 мм, в 50 губерниях Европейской России (далее — Европейской России) — на 29 мм (табл. 6).

Таблица 6. Рост крестьян и новобранцев Санкт-Петербургской и Московской губерний, а также 50 губерний Европейской России в 1853–1890 гг., мм

Губернии	1853–1860	1861–1865	1866–1870	1871–1875	1876–1880	1881–1885	1886–1890	Увеличение роста в 1853–1890
Средний рост референтной группы крестьян								
Петербургская	1642	1646	1652	1674	1674	1679	1678	36
Московская	1642	1639	1644	1663	1664	1671	1675	33
Европейская Россия	1646	1644	1651	1665	1670	1674	1676	30
Средний рост всех новобранцев								
Петербургская	1648	1651	1658	1676	1676	1680	1681	33
Московская	1648	1645	1650	1666	1667	1674	1678	30
Европейская Россия	1646	1644	1651	1665	1670	1674	1675	29
Число всех измеренных новобранцев								
Петербургская	15 878	10 596	11 609	12 055	12 274	16 498	17 457	–
Московская	29 336	19 293	20 208	20 077	20 847	27 206	30 190	–
Европейская Россия	1 404 768	950 792	1 075 244	1 144 885	1 202 271	1 612 212	1 798 419	–

Подсчитано по: РГИА. Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 241. Д. 197, 199, 200, 203, 182, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 215, 219, 236. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел о результатах призыва к исполнению воинской повинности в [1875–1913] году; Ф. 1290 (Центральный статистический комитет). Д. 803, 804, 846. О результатах призыва к воинской повинности по губерниям.

Данные об изменении роста свидетельствуют о том, что наибольшее улучшение биостатуса произошло у крестьян Петербургской губернии, затем в Московской и,

наконец, в Европейской России. Прибавка в росте за 30 лет довольно существенна, причем наиболее значительной она была в отстававшей в 1850-е гг. Петербургской губернии, затем в Московской и наименьшей в остальных губерниях.

Антропометрические данные позволяют сделать очень важный вывод: в течение 30 пореформенных лет, с 1861 по 1890 гг., *положение крестьян в столичных губерниях улучшалось, к тому же в несколько большей степени, чем в Европейской России в целом*. Повышение биостатуса населения возможно только в том случае, если условия жизни крестьян улучшались, а за разницей в его изменениях в столичных и прочих губерниях должны стоять более быстрые темпы развития экономики столичных губерний сравнительно с прочими и в Петербургской губернии сравнительно с Московской. Как показал экономический анализ, предпринятый в статье, именно в таком порядке изменились условия хозяйствования крестьян, доходы и показатели уровня их жизни. Совпадение результатов экономического и антропометрического анализа повышает достоверность вывода об улучшении положения столичного и российского крестьянства в целом за первое 30-летие после крестьянской реформы.

Итак, мы оценили динамику уровня жизни крестьянства Петербургской и Московской губерний на основе 18 традиционных показателей и на основе данных о росте (длине тела). Анализ привел к выводу, что в 1861–1890 гг. положение крестьян столичных губерний улучшалось, причем в большей степени, чем в Европейской России в целом.

Может возникнуть вопрос: что обеспечило успех крестьянской реформы — стихийный процесс эволюции сельского и крестьянского хозяйства или разумная политика властей? Формат данной статьи не позволяет на этом подробно остановиться, но ответу на этот вопрос посвящена специальная статья³⁶. Вкратце ответ таков. Крестьянская реформа являлась компромиссной в социальном и экономическом отношениях; она была тщательно продумана, хорошо подготовлена и проведена, как и другие Великие реформы 1860-х гг., в терапевтическом режиме — постепенно, как рекомендует современная теория реформирования. В условиях огромной страны, где в 1861 г. лишь 17% населения обоих полов старше 9 лет были грамотными, шоковое проведение реформы не могло закончиться успехом. Реформаторы это сознавали, поэтому все новые институции и институты (в смысле норм и стандартизованных моделей поведения, правил взаимодействия при принятии решений), необходимые для успешного развития, создавались постепенно, с оглядкой на Запад, но с учетом российской специфики. Чтобы снизить вероятность отторжения новых институтов, использовалась стратегия создания последовательных промежуточных институтов, плавно, в несколько этапов, соединяющих начальную и целевую финальную конструкции. Использование административного и репрессивного ресурса в отношении помещиков, не согласных с крестьянской реформой (а таких было большинство), обеспечило ее проведение и умеренный успех — медленное повышение уровня жизни крестьян во второй половине XIX — начале XX в.

---

³⁶ *Миронов Б.Н.* Отмена крепостного права как пример образцовой российской реформы // Экономическая политика. 2011. № 2. С. 63–84; № 3. С. 93–106.

References

- Chechulin N. D. *Ocherki po istorii russkikh finansov v tsarstvovanie Ekateriny II*. St. Petersburg, Senatskaia tip. Publ., 1906, 380 p. (In Russian)
- Gregory P. *Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii (konets XIX — nachalo XX v.): Novye podschety i otsenki*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, 255 p. (In Russian)
- Kashchenko S. G. *Istochniki po istorii krest'ianskoi reformy 1861 g. v Sankt-Peterburgskoi i Moskovskoi guberniakh (Massovye istochniki i rossiiskaia statistika serediny XIX v.)*. St. Petersburg, Prezidentskaia biblioteka Publ., 2020, 159 p. (In Russian)
- Kashchenko S. G. *Osvobozhdenie krest'ian na Severo-Zapade Rossii: Ekonomicheskie posledstviia reformy 19 fevralia 1861 goda*. Moscow, St. Petersburg, Al'ians-Arkheo Publ., 2020, 549 p. (In Russian)
- Kotsonis J. *Kak krest'ian delali otstalymi: Sel'skokhoziaistvennye kooperativy i agrarnyi vopros v Rossii, 1861–1914*. Moscow, NLO Publ., 2006, 313 p. (In Russian)
- Kovan'ko P. L. *Reforma 19 fevralia 1861 goda i ee posledstviia s finansovoi tochki zreniia: (vykupnaia operatsiia: 1861 g. — 1907 g.)*. Kiev, Tip. N. T. Korchak-Novitskogo Publ., 1914, 484 p. (In Russian)
- Kurkin P. I. *Statistika dvizheniia naseleniia v Moskovskoi gubernii v 1883–1897 gg.* Moscow, Mosk. gub. zemstvo Publ., 1902, 562 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2019, 528 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Strasti po revoliutsii: Nnavy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2014, 336 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII — nachalo XX veka*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2012, 848 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Otmena krepostnogo prava kak primer obraztsovoi rossiiskoi reform. Ekonomicheskaiia politika*, 2011, no. 2, pp. 63–84; no. 3, pp. 93–106. (In Russian)
- Mironov B. N. *Upravlenie etnicheskimi mnogoobraziem Rossiiskoi imperii*. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2017, 640 p. (In Russian)
- Novoselsky S. A. *Voprosy demograficheskoi i sanitarnoi statistiki*. Moscow, Medgiz Publ., 1958, 216 p. (In Russian)
- Rashin A. G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): Statisticheskie ocherki*. Moscow, Gosstatizdat Publ., 1956, 352 p. (In Russian)
- Rukovskiy I. P. *Istoriko-statisticheskie svedeniia o podushnykh podatikh*. St. Petersburg, [s. n.], 1863, 569 p. (In Russian)
- Schwanebach P. Kh. *Nashe podatnoe delo*. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha Publ., 1903, 203 p. (In Russian)
- Shcherbina F. A. *Krest'ianskie biudzhety*. Voronezh, Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo Publ., 1900, 730 p.
- Shingarev A. I. *Zabolevaemost' naseleniia Voronezhskoi gubernii, vol. 1, part 1*. Voronezh, [s. n.], 1906, 397 p. (In Russian)
- Simms J. Y., Jr. *The Crisis of Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View. Slavic Review*, 1977, vol. 36, no. 3, pp. 377–398.
- Volkov V. V. *K voprosu ob agrarnom perenaselenii v Rossii v kontse XIX — nachale XX v. (k 110-letiiu nachala raboty "Komissii Tsentra"*. *Clio*, 2012, no. 1 (61), pp. 61–68. (In Russian)
- Voronov I. *Narodnoe khoziaistvo i narodnoe zdorov'e. Meditsinskaia beseda*, 1904, no. 2, pp. 34–36. (In Russian)
- Wilson I. I. *Ob"iasnenie k khoziaistvenno-statisticheskomu atlasu Evropeiskoi Rossii*. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova Publ., 1869, 523 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 12 мая 2021 г.

Рекомендована в печать 14 сентября 2021 г.

Received: May 12, 2021

Accepted: September 14, 2021